

сети. Критерий, предложенный Коллинзом, а именно, индекс цитирования работ конкретного мыслителя и количество строк в справочно-энциклопедических изданиях, посвященных его персоне, представляется не совсем удовлетворительным. Это прекрасно осознает и сам Коллинз, говоря, что для объективного определения значимости мыслителя необходимо, чтобы сменилось, как минимум, два поколения в области культурного производства, т.е. чтобы прошло не менее 35 лет с того времени, как были обнародованы программные идеи ученого.

На наш взгляд, некоторые методологические идеи Коллинза в области сетевого анализа при определенной дополнительной проработке и адаптации к российским культурным реалиям могут оказаться весьма полезными для осуществления задуманного нами исследовательского проекта, посвященного 40-летию Уральской философской школы. Вот его краткое описание:

Предмет исследования: становление и развитие Уральской философской школы как интеллектуального сетевого сообщества в период с 1965 по 2005 гг.

Главная цель исследования: теоретическое моделирование и анализ основных звеньев интеллектуальных сетей Уральской философской школы. В качестве основных звеньев сетевого сообщества рассматриваются институционализованные объединения (научные центры, факультеты, специализированные советы, кафедры и т.п.) и персона-

лии, сыгравшие важную роль в создании новых исследовательских центров и направлений научных разработок в области философии на Урале.

Методологические задачи, решаемые в ходе реализации проекта:

- разработка стандартизированных форм для создания информационной базы о персональных и институциональных звеньях интеллектуальной инфраструктуры Уральской философской школы;

- составление «сетевой карты» межличностных интеллектуальных контактов уральских философов по типам: учитель-ученик, научный руководитель-аспирант, консультант-докторант и др.; составление «сетевой карты» «горизонтальные» цепей контактов уральских философов; составление «поколенческой» карты Уральской философской школы;

- разработка критериев периодизации данной школы и анализ основных этапов ее развития;

- выявление паттернов, точек разрывов и точек образования новых звеньев внутри сетевой структуры интеллектуального сообщества.

Значение проекта: исследовательский проект позволит расширить методологический арсенал изучения истории и развития философских школ, выявить интеллектуальную инфраструктуру сообщества, идентифицируемого в научных и общественных кругах России как Уральская философская школа, показать основные каналы интеграции данной школы в мировое философское пространство.

К ВОПРОСУ О ДИСКУРС-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

О.В. Буркова

Буркова
 Ольга
 Викторовна —
 аспирант
 Института
 философии
 и права
 УрО РАН

Одна из характерных черт такого явления в сфере современного гуманитарного знания, как отход от старой научной ортодоксии, заключается в том, что главным объектом внимания становится не результат, а процесс научной деятельности индивида или коллектива, что позволяет рассматривать науку как развивающуюся социокультурную традицию в непрерывном изменении и обновлении. Сегодня не актуальна та модель научной деятельности, которая воплощается в прогрессивном движении к раскрытию окончательной и абсолютной истины. Напротив, актуальна модель научной деятельности, отвечающая запросам современности, насущным проблемам того общества, в котором она возможна как одна из форм общественной деятельности и, тем самым, как часть культуры.

На сегодняшний день проблема истины отходит на второй план, уступая место плюрализму мнений и разнообразию трактовок. На первое место становится проблема изучения языка в его

специализированных формах. Эти специализированные формы порождают своеобразный «язык в языке», некое устойчивое сверхфразовое единство, целостность тем, — называемое дискурсом. При обращении к дискурсу анализируются как высказывания, обладающие определенной значимостью для определенного сообщества, так и способы их конструирования и подачи (репрезентации). Иначе, анализируются тексты, где содержащиеся установки некоего коллектива позиционируют его самого в дискурсивном поле. Таким образом, анализ дискурса выявляет особую ментальность и идеологию сообщества индивидов, выраженную в социально значимых текстах.

Специфика гуманитарного научного знания состоит в том, что исследователю, по большей части, приходится иметь дело с документально оформленными свидетельствами и фактами, которые необходимо адекватно понять, интерпретировать и использовать в своей работе. Поэтому, необходимо предельное внимание к структуре и содержанию нарратива, описывающего события, явления и факты эпохи, создаваемого исследователем в процессе его работы, где отражены особенности и потребности времени, в которое он живёт. Необходимо внимание к языку, которым пользуется исследователь, к тому специализированному дискурсу, который в каждом определённом культурном контексте начинает звучать по-новому и выявлять в себе новые смыслы и значения для любого, интерпретирующего данное информационное послание.

С 70-х гг. в историографии появилось такое направление как интеллектуальная история. Будучи проблемно ориентированной, интеллектуальная история стремится реконструировать историческое прошлое, при этом включая в себя каждую область и форму знания, и, представляя их как слагаемые единой, изменяющейся во времени, системы.

Преодолевая разграничительную линию между официальной и неофициальной историей, между историей идей и текстов, между их содержанием и контекстом, интеллектуальная история делает предмет своих исследований тексты, дискурсивную практику историка, своеобразие его мышления и выражения, которые в конечном итоге образуют нарратив.

Нарратив осмысливается интеллектуальными историками как специфическая форма историографического творчества, посредством которого способ и сущность историописания сближается с литературным. Так, например, основатель данного направления *Хейден Уайт утверждает, что любое историческое сочинение, являясь лишь описательным и аллегоричным, не несёт в себе элементов научности, поэтому историческое знание не может претендовать на научность. Из этого он делает вывод о том, что история является не особым методом познания, а особой разновидностью письма. Для анализа данной разновидности письма приложимы методы теории литературы, а точнее, методико-методологические приёмы тропологии, понимаемой как теория преобразования и дискурсивного построения сюжета. При этом слова употребляются в образном смысле, при котором происходит сдвиг в семантике слова от его прямого значения к переносному.*

Вообще, троп закрепляет в слове особенности

индивидуального восприятия реальности и является важным элементом художественного мышления. Таким образом, осмысливая построение «сюжетной линии» в написании «авторской» истории, историк «делает» свою историю, включая одни установленные события и исключая другие, выделяя одни и делая другие подчинёнными, осуществляя процесс создания истории определённого типа.

Вышесказанное позволяет Х. Уайту заключить, что историческое знание — это всегда знание второго порядка, то есть оно основано на гипотетических конструкциях возможных объектов исследования, требующих толкования с помощью процессов воображения, имеющих больше общего с «литературой», чем с какой-либо наукой. Также он заключает, что историография является дискурсом, который, как правило, нацелен на конструкцию правдоподобного повествования о серии событий, а не на статическое описание положения дел, как это имеет место быть в анналах и хрониках. На этом основании он объединяет историю с современной наукой в том смысле, что последняя настаивает на том, что она менее заинтересована в определении истины о мире, нежели в определении его «реальности». По этой же причине Уайт ставит под сомнение достоверность факта — базиса науки, говоря о том, что события происходят и — более или менее адекватно — отражаются в документальных источниках и памятниках, в то время как факты концептуально конструируются в мысли и/или фигуративно в воображении и существуют только в мысли, языке или дискурсе. Поэтому, рассматривая дискурсивную практику историка, Уайт убеждён в том, что нарративизация реальности является беллетризацией постольку, поскольку повествование налагает на реальность форму и содержание такого смысла, который встречается только в историях.

Таким образом, вся проблематика темы переносится в область языка. Дело в том, что число видов преобразования и объяснения может быть ограничено, но их комбинации в каждом данном дискурсе фактически бесконечны. Так происходит потому, что в самом языке нет критериев, позволяющих различать «правильное» (буквальное) и «неправильное» (фигуративное) использование языка. Слова, грамматика и синтаксис любого языка не подчиняются явному правилу, позволяющему различить денотативное и коннотативное измерения данного высказывания.

Как известно, язык гуманитарных наук является обыденным языком, обладающим свойством избыточности, где почти все слова имеют не одно, а несколько значений, которые зависят не только от самих себя, но и от значений других слов, находящихся рядом и образующих контекст с его проблемой интерпретации, и именно по этой причине и по причине отсутствия у гуманитарных наук строгого искусственного языка, такого, как у наук точных, Х. Уайт в своей книге «Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века» делает следующее умозаключение о том, что в любой области исследования, ещё не сведённой (или не возведённой) к статусу подлинной науки, мысль остаётся захваченной языковой формой, в которой она пытается запечатлеть контуры объектов, находящихся в поле её восприятия. Поэтому нередко мы оказываемся во власти языка, следуем

его правилам при построении как нашего внутреннего диалога, так и внешнего. Более того, наше сознание выстроено согласно структуре языка, поэтому является навсё диалогичным, призванным **быть**, соотносясь с другим сознанием. Ещё Бахтин писал о том, что «Два сопоставленных чужих высказывания, не знающих ничего друг о друге, если только они хоть краешком касаются одной и той же темы (мысли), неизбежно вступают друг с другом в диалогические отношения. Они соприкасаются друг с другом на территории общей темы, общей мысли» (М.М. Бахтин Эстетика словесного творчества. 2-е изд. - М.: Искусство, 1986. С. 310).

Таким образом, то, что происходит сегодня в сфере гуманитарного знания и что называется «лингвистическим поворотом», и то, что предшествовало и подготовляло для этого благодатную почву, как у нас, так и за рубежом, позволило обратить внимание на проблему не только адекватной передачи информации, но и на проблему неповторимого мира субъекта научного исследования, следы проявления которого невозможно не увидеть в плодах его исследовательской деятельности. Как индивидуален каждый человек, так индивидуально и его творчество, его извечный диалог с самим собой, с собеседником, с миром. «Слово хочет быть услышанным, понятым, ответным... Оно вступает в диалог, который не имеет смыслового конца...» (Там же. С. 324). Подобная неоконченность и неокончателность порождает то своеобразие инструментария исследования, каким является инструментарий исследования гуманитарных наук.

Учение Бахтина о диалоге как о способе человеческого бытия удивительным образом раскрывает как индивидуальность и специфичность говорящего и говоримого, так и всеединство человечества и культур на основе только элементарной единицы языка — слова. Он говорил, что возможности и перспективы, заложенные в слове бесконечны, и здесь мы уже находимся на пороге философии языка и вообще гуманитарного мышления. Поэтому, осмысляя то, что говорится в сказанном, мы познаём текст, то есть, мы распознаём в его конструкции и «предполагаемый вопрос», и «ответный текст», и «возможный контекст», и «идею автора», тем самым онтологизируя собственный опыт и приобщаясь к универсуму, мы вступаем в диалог со временем.

Подобный диалог был характерен не только для М.М. Бахтина, но и для учёных французской школы «Анналов» и их последователей, образовавших историографическое направление исторической антропологии. Основной своей категорией они сделали понятие ментальности, которое является особым «концентратом», подосновой множества различных дискурсов каждой отдельной эпохи, на которую обращается внимание учёного.

Изучение ментальности даёт удивительно разнообразный и насыщенный материал, буквально разворачивая традиционную практику исследования на 180 градусов, высвечивая всё новые и новые, ранее даже не известные моменты изучаемых эпох. Представители данного направления делают ставку на изучение исторических документов, не являющихся артефактами так называемой высокой культуры, то есть культуры интеллектуального меньшинства, во многом и определившие

го дух эпохи для потомков. Напротив, изучаются специфические документы, такие как домовые книги, акты судебных разбирательств, частные переписки обычных людей и т. д. Сталкиваясь с подобными документами, исследователь неизбежно соприкасается с символическим языком, используемого автором источника. И здесь необходимо обратить внимание на конструкцию стереотипных знаковых образований, присущих данному промежутку времени, так как именно они являются выразителями неявных человеческих ориентаций, в которых достигается уровень повседневных ментальностей.

Символ по своей природе таков, что, сохраняя свою смысловую и структурную самостоятельность, он, делая синхронный срез культуры по вертикали, осуществляет тем самым преемственность времён, неся в себе информацию как о прошлом, настоящем, так и о будущих трансформациях собственного содержания. Выполняя функцию механизмов единства культуры, символ, с одной стороны, инвариантен, а с другой — активно соотносится с культурным контекстом, изменяя его и изменяясь сам.

Таким образом, историография начинает взаимодействовать с семиотикой, которая за планом выражения, то есть сознательно сформулированными посланиями, ограниченными своей конкретной реализацией, видит план содержания — тот широкий смысловой уровень сознания, о котором, возможно, не догадывался и сам автор текста. М.В. Ильин, к примеру, определяет общую семиотику как универсальную обществоведческую дисциплину, которая выступает теоретико-методологической основой для дискурс-анализа, как явления коммуникативно-речевой сферы.

При изучении нарратива крайне ценны исследования в области исторической герменевтики. Имея дело с объективированными репрезентациями духа, историк строит свою работу на постижении, понимании, раскодировке интеллектуального и духовного опыта предыдущих поколений. Это возможно в силу того, что, познающий историю, сам является историческим существом. Таким образом, человек познаёт своё творение, научаясь видеть в истории отражение собственных деяний, имеющих как положительные, так и отрицательные результаты.

Работая с источниками, историческая герменевтика превращает вспомогательный метод интерпретации литературных текстов в методологию истории. Здесь так же, как и в концепции Бахтина, мы находим то, что процесс исследования носит характер диалога, и также, что этому диалогу не суждено быть оконченным: каждый новый исследователь, обращающийся к данной проблематике, к какой-то поставленной теме, неизбежно привносит что-то своё, он имеет собственное мнение, собственное понимание и ведёт свой, ни с каким другим не сравнимый, диалог, получая при этом какие-то свои ответы и делая свои выводы.

Одной из основных причин нескончаемости диалога мы могли бы назвать ту внутреннюю логику языка, который употребляется нами в повседневной жизни. Эта логика привносится в каждый происходящий в нашей жизни диалог, делая его в каждой данной точке бесконечным, содержательным и неожиданным. В наших силах поставить условную точку в разговоре, но это не

будет означать абсолютного завершения однажды продолженного нами диалога.

Сравнивая язык и дискурс, можно с однозначностью отметить, что язык, сам по себе, универсален, а дискурс по определению специален. Поэтому, изучая особенности дискурса, анализируя его форму и содержание, мы с неизбежностью входим в смысловое поле той области знания, из которой взят данный дискурс. Постигая же специфическое, мы, начинаем активно использовать характерные для данного дискурса постулаты, выражения, тем самым, обретая способность как взаимодействия с культурой, традицией, индивидуальностью автора и текста, так и воздействия на содержание послания посредством преобразования его смысловой нагрузки, приращения и отбора семантически значимых членений при сохранении рамок заявленной речевой формы, тем самым воздействуя на сознательное и подсознательное умонастроение предполагаемой аудитории адресатов.

Риторическая практика «чужого слова», по М.М. Бахтину, то есть практика употребления выражений, свойственных дискурсу оппонента, употребляется в тех случаях, когда необходимо приспособиться к имеющимся речевым практикам и стереотипам его сознания. Довольно часто подобная практика производится в ситуациях, когда есть необходимость воздействия на эти стереотипы.

Таким образом, аналитическая традиция дискурса призвана изучать и говорить открыто о тех социальных явлениях, которые укоренены в языке и не существуют помимо него. Дискурс-анализ позволяет говорить о таких нерациональных явлениях, которые невозможно описать и исследовать при помощи строгого категориального аппарата науки. Так, например, Фуко исследовал проблему безу-

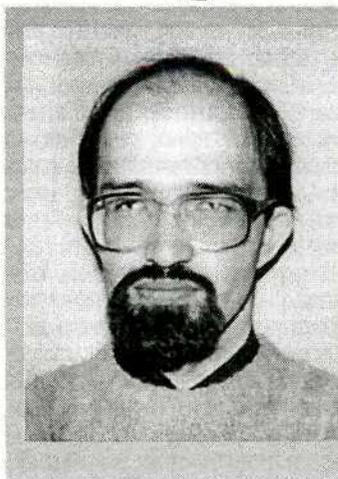
мия, изучив дискурсивные практики, сформировавшие данный объект его научной деятельности, дав ему говорить от своего имени, при том, что, собственно, языка безумия существовать не может по причине разумности его (языка) устройства

Дискурс-анализ выявляет скрытые мотивы и подоплёки автора речевого послания, он даёт возможность увидеть те специфические механизмы, посредством которых производится социальная и иная обусловленность речевых высказываний.

Современная практика гуманитарной области познания, обращаясь к дискурс-аналитической традиции, как одной из современных методик работы с документальным материалом, приобретает возможность постижения внутренней логики социальных явлений, возможность выявления способов, приёмов, каких-то своеобразных процедур в процессе их (явлений) конструирования и укоренения в реальности. Так или иначе, изучая содержательную сторону информационной составляющей человеческого существования, гуманитарная сфера не только обогащается, но и приобретает универсальный инструмент определения оценки смыслов человеческой деятельности. Более того, новые исследовательские практики, вскрывая идеологическую подоплёку текстов и высказываний, делая ее прозрачной для носителей иных идеологических и ментальных установок, открывают новые возможности для коммуникации между представителями различных информационно-культурных сообществ. Это, в свою очередь, снижает риск конфликтности и отчуждения ввиду непонимания специфики природы другого, его намерений и конечных целей. Поэтому процесс анализа основных элементов дискурса, его ведущих тем порождает новый дискурс.

К ПОИСКУ ЯЗЫКА АНАЛИЗА МНОЖЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ

И.В. Янков

Янков
Игорь
Викторович —
кандидат
философских наук,
доцент кафедры
связей
с общественностью
и рекламы
Уральского
государственного
университета

Характеризуя современную социальную реальность, многие говорят о неоархаике. Архаичность может пониматься и как разрушение цивилизационных институтов, и как выстраивание диалога с первооснованием (архе).

Насколько приложим язык, описывающий архаическое общество, к современному? Насколько социальные структуры и качества, обнаруживаемые в архаическом обществе, присущи обществу современному? Ответы связаны с самим взглядом, с позицией наблюдателя. Ж. Бодрийяр усматривает аналогии, но резко противопоставляет современный мир и архаику. К. Леви-Строс выявляет надисторические инварианты. В. Тернер обнаруживает подобия в динамике коммунитас и структуры, но не делает всеобъемлющих выводов и спекуляций. Можно предположить, что наиболее перспективен путь работы с архаическим ма-